

**СРАВНИТЕЛЬНО-ПРАВОВЫЕ
ИССЛЕДОВАНИЯ
В ОБЛАСТИ ОСОБО ОХРАНЯЕМЫХ
ПРИРОДНЫХ ТЕРРИТОРИЙ
И ЛЕСОВ ФЕННОСКАНДИИ**

Материалы международной
научно-практической конференции
«Зеленый пояс Фенноскандии 2013»
8–12 октября 2013 года

Сборник научных статей

Петрозаводск
2014

УДК 67.407

ББК 349.4

СРАВНИТЕЛЬНО-ПРАВОВЫЕ ИССЛЕДОВАНИЯ В ОБЛАСТИ ОСОБО ОХРАНЯЕМЫХ ПРИРОДНЫХ ТЕРРИТОРИЙ И ЛЕСОВ ФЕННОСКАНДИИ

Материалы международной научно-практической конференции
«Зеленый пояс Фенноскандии 2013»
8—12 октября 2013 года

Сборник научных статей

Сравнительно-правовые исследования в области особо охраняемых природных территорий и лесов Фенноскандии : мат. международной научно-практической конференции / отв. ред. Т. Ю. Оленина. — Петрозаводск, 2014.

Основополагающей для данного сборника научных статей стала тематика международной научно-практической конференции «Зеленый пояс Фенноскандии 2013», которая состоялась в Карельском научном центре Российской академии наук 8—12 октября 2013 года. География авторского коллектива включает Финляндию, Москву, Новосибирск, Ставрополь, Петрозаводск. Спектр рассматриваемых в сборнике вопросов разнообразен и, несомненно, вызовет у читателя интерес.

Сборник предназначен для юристов — ученых, практиков, преподавателей, аспирантов, студентов, а также для всех, занимающихся правовыми проблемами особо охраняемых природных территорий и лесов.

Издается в рамках реализации комплекса мероприятий Программы стратегического развития Петрозаводского государственного университета на 2012—2016 гг.

ISBN 978-5-8430-0255-8

© Петрозаводский госуниверситет, 2014

© Издательский дом «ПетроПресс», 2014

СОДЕРЖАНИЕ

Абрамов В. Г. Понятие и особенности объекта и предмета нарушений законодательства в области охраны окружающей среды	5
Блаткова В. В. Деятельность муниципалитетов Финляндии в области природоохранного законодательства.....	19
Быковский В. К. Правовые вопросы проведения государственной лесной политики.....	30
Козырева Т. В. Особенности судебной защиты и охраны лесов в судах общей юрисдикции (на примере Республики Карелия).....	36
Койвистойнен Л. А. Проблемы муниципального лесного контроля.....	54
Косенкова С. В. Приграничное сотрудничество Республики Карелия и Финляндии в области охраны окружающей среды	63
Кирсанов А. Н. Правовые проблемы использования и эксплуатации особо охраняемых природных территорий	72
Кряжков В. А. Коренные малочисленные народы Севера как субъекты традиционного природопользования и природоохранных отношений	74

Коренные малочисленные народы Севера как субъекты традиционного природопользования и природоохранных отношений¹

1. Коренные малочисленные народы Севера — интерэтническая общность, объединяющая в России 40 народов², расселенных в северных широтах (от Кольского полуострова на западе до Чукотки на востоке) в 28 субъектах Российской Федерации. Их общая численность составляет около 280 тыс. человек, причем в группах данных народов она измеряется от нескольких сот до десятков тысяч (например, ненцев).

Названные народы проживают на своих исконных территориях с незапамятных времен. Определяющая черта их образа жизни — неразрывная связь с землей, занятие на протяжении веков традиционными промыслами — оленеводством, рыболовством, охотой, сбором дикоросов, а также обладание уникальным опытом (традиционными знаниями) жизнеобеспечения и выживания в экстремальных (с точки зрения обычного человека) условиях Севера.

2. Конституция РФ признает своеобразие данных народов, выделяя их в составе многонационального российского народа путем возложения на Российскую Федерацию обязанности гарантировать коренным малочисленным народам права в соответствии с общепризнанными принципами и нормами международного права и международными договорами Российской Федерации (статья 69). Это положение сопрягается с тем, что общепризнанные принципы и нормы международного права и

¹ При подготовке настоящей статьи использовалась нормативно-правовая база СПС «Консультант Плюс».

² См.: Перечень коренных малочисленных народов Севера, Сибири и Дальнего Востока Российской Федерации: утв. распоряжением Правительства РФ 17 апреля 2006 г. №536-р // СЗ РФ. 2006. №17 (ч. 2). Ст. 1905.

международные договоры Российской Федерации являются составной частью ее правовой системы (часть 4 статьи 15).

К сказанному необходимо добавить, что согласно Конституции защита исконной среды обитания и традиционного образа жизни малочисленных этнических общностей образует отдельный предмет совместного ведения Российской Федерации и ее субъектов (пункт «м» части 1 статьи 72).

3. Особая государственно-правовая политика в отношении народов Севера — традиция российского государства. В царский период, можно напомнить, им придавался специальный статус Уставом об управлении инородцев 1822 года и Положением об инородцах 1892 года. В настоящее время указанная политика обуславливается также требованиями международного права, в системе норм которого центральное место занимают установления, касающиеся охраны среды обитания (земель, территорий) и традиционного природопользования коренных народов. В частности:

• Конвенция МОТ 169 «О коренных народах и народах, ведущих племенной образ жизни в независимых странах» (вступила в силу 5 сентября 1991 г.) признает за соответствующими народами права собственности и владения на земли, которые они традиционно занимали (статья 14). С этим увязываются права коренных народов на природные ресурсы, относящиеся к их землям, в том числе на участие в пользовании и управлении данными ресурсами и в их сохранении (посредством выражения мнения по осуществлению предполагаемых промышленных проектов, пользования результатами промышленного освоения природных ресурсов, получения справедливой компенсации за любой ущерб от производственной деятельности) (статья 15). По нормам Конвенции исключается выселение коренных народов с занимаемых ими земель. Однако если подобное происходит в силу необходимости, то допустимо только при наличии их свободного и сознательного согласия на основе процедур,

установленных законом, с правом возвращения на традиционные земли или получения равнозначных земель; гарантируется также возможность получения компенсации за утрату земель в денежном выражении (статья 16). Законами устанавливаются санкции за неправомерное вторжение на земли данных народов или неправомерное их использование (статья 18);

- Декларация ООН 2007 года о правах коренных народов подтверждает и развивает приведенные положения Конвенции, в том числе относительно прав этих народов на исконные земли и иные природные ресурсы, выражение своего мнения по принимаемым законодательным и административным мерам, затрагивающим их права и интересы, проектам промышленного освоения территорий их традиционного проживания (провозглашен принцип полного, предварительного и осознанного согласия коренных народов), сохранение и охрану окружающей среды и производительной способности «аборигенных» земель (территорий) и ресурсов, справедливое возмещение в связи с промышленной деятельностью с целью смягчения ее неблагоприятных последствий для окружающей среды, экономики, культуры и духовного развития (статьи 10, 18, 19, 26, 28, 29, 32);

- Конвенция о биологическом разнообразии 1992 года (ратифицирована Федеральным законом от 17 февраля 1995 г.³) ориентирует государства на сохранение традиционного образа жизни коренных народов, необходимость гарантировать его совмещение с нетрадиционными видами хозяйственной деятельности, создавать условия для воспроизводства и использования традиционных знаний коренного населения в целях сохранения устойчивого использования биологического разнообразия, в том числе посредством привлечения данного населения к принятию решений по освое-

³ См.: СЗ РФ. 1996. № 19. Ст. 2254.

нию природных ресурсов в местах традиционного проживания и хозяйственной деятельности коренных народов.

Эти идеи поддерживаются государствами и в контексте освоения Арктики. В Киркенесской декларации 2013 года (подписана Российской Федерацией и другими странами — членами Совета Баренцева/Евроарктического региона) обращается внимание государств, что необходимо обеспечить полное уважение и осуществление прав коренных народов на сохранение традиционного образа жизни, включая занятие охотой, рыболовством и оленеводством, в соответствии с их традициями и обычаями в рамках устойчивого управления ресурсами и международных обязательств (пункт 9); во взаимосвязи с охраной окружающей среды признается, что традиционные знания коренных народов могут способствовать устойчивому использованию ресурсов и обеспечивать устойчивое развитие региона (пункт 25).

4. Названные положения получают определенное отражение в российском федеральном законодательстве, которое:

— гарантирует коренным народам права пользоваться землей, участвовать в осуществлении контроля за ее использованием, соблюдением природоохранного законодательства, участвовать в решении вопросов защиты исконной среды обитания, традиционного образа жизни, хозяйствования и промыслов, в проведении экологических и этнологических экспертиз, получать возмещение убытков, причиненных им в результате нанесения ущерба исконной среде обитания малочисленных народов в результате хозяйственной деятельности (ст. 8 Федерального закона от 30 апреля 1999 г. «О гарантиях прав коренных малочисленных народов в Российской Федерации»⁴);

— предусматривает возможность создания по инициативе коренных народов федеральных, региональных и местных территорий традиционного природопользования как особо охра-

⁴ См.: СЗ РФ. 1999. № 18. Ст. 2208.

няемых природных территорий, имеющих специальный правовой режим природопользования (Федеральный закон от 7 мая 2001 г. «О территориях традиционного природопользования коренных малочисленных народов Севера, Сибири и Дальнего Востока Российской Федерации»⁵);

— допускает на особо охраняемых природных территориях — в национальных парках и природных заказниках, в пределах которых проживают коренные народы, выделение зон традиционного экстенсивного природопользования, использование природных ресурсов в формах, обеспечивающих защиту исконной среды обитания данных общностей и сохранение их традиционного образа жизни (Федеральный закон от 14 марта 1995 г. «Об особо охраняемых природных территориях»⁶);

— признает за коренными народами право на использование традиционных методов добычи объектов животного мира и продуктов их жизнедеятельности, а также право на приоритетное пользование животным миром, что предполагает первоочередной выбор промысловых участков представителями данных народов, установление для них льгот относительно сроков и районов добычи объектов животного мира, исключительного права на добычу определенных объектов животного мира (ст. 48, 49 Федерального закона от 24 апреля 1995 г. «О животном мире»⁷);

— не признает объектами налогообложения объекты животного мира и объекты водных биологических ресурсов, пользование которыми осуществляется для удовлетворения нужд представителями коренных народов Севера (статья 333.2 Налогового кодекса РФ⁸);

⁵ См.: СЗ РФ. 2001. № 20. Ст. 1972.

⁶ См.: СЗ РФ. 1995. № 12. Ст. 1024.

⁷ См.: СЗ РФ. 1995. № 17. Ст. 1462.

⁸ См.: СЗ РФ. 2001. (ч. 2). № 1. Ст. 18.

— предусматривает возможность установления для коренных народов особых правовых режимов землепользования (статья 7 Земельного кодекса РФ⁹), лесопользования (статья 48 Лесного кодекса РФ¹⁰) и водопользования (статья 54 Водного кодекса РФ¹¹):

— гарантирует право коренных народов на традиционное рыболовство (статья 25 Федерального закона от 20 декабря 2004 г. «О рыболовстве и сохранении водных биологических ресурсов»¹²) и на охоту в целях обеспечения традиционного образа жизни и осуществления традиционной хозяйственной деятельности (ст. 19 Федерального закона от 24 июля 2009 г. «Об охоте и сохранении охотничьих ресурсов и о внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации»¹³).

Конституционный суд РФ, затрагивая вопрос о праве коренных народов на традиционное рыболовство, констатировал, что его установление законом не регламентирует в этом случае права иных, кроме представителей данных народов, лиц и не вводит запрет на доступ к водным биологическим ресурсам иных категорий граждан. Тем самым указанное установление не может рассматриваться как нарушающее конституционные права граждан, не относящихся к коренным малочисленным народам Севера (Определение от 29 мая 2012 г. № 846-О¹⁴). Сформулированный вывод, на мой взгляд, имеет универсальное значение в том смысле, что особые правовые режимы природопользования для северных народов конституционно допустимы и сами по себе не ущемляют права иных граждан.

⁹ См.: СЗ РФ. 2001. № 44. Ст. 4147.

¹⁰ См.: СЗ РФ. 2006. № 50. Ст. 5278.

¹¹ См.: СЗ РФ. 2006. № 23. Ст. 2381.

¹² См.: СЗ РФ. 2004. № 52 (ч. 2). Ст. 5270.

¹³ См.: СЗ РФ. 2009. № 30. Ст. 3735.

¹⁴ См.: СПС «Консультант Плюс».

5. Положения о правах коренных народов в сфере природопользования и охраны окружающей среды были установлены в конце 90-х годов прошлого столетия, носили общий характер и требовали соответствующей нормативно-правовой конкретизации. К сожалению, этого не произошло.

Вместо развития наблюдается регресс «аборигенного» законодательства. Оно за последние годы с позиций защиты прав и законных интересов данных народов заметно изменилось в худшую сторону. Об этом свидетельствует изъятие из федерального законодательства ряда положений, касающихся коренных малочисленных народов. В частности, в настоящий момент, в отличие от прошлого, не предусмотрены:

— возможность лицам, относящимся к данным народам, получать земельные участки в пожизненное наследуемое владение и пользоваться ими бесплатно;

— предоставление на бесконкурсной основе участков для осуществления традиционного рыболовства и охоты;

— обязанность оценивать возможное негативное воздействие проектов на традиционный образ жизни и природопользование коренных народов;

— использование субъектами Российской Федерации части платежей за пользование недрами для социально-экономического развития малочисленных народов.

Без надлежащего регулирования остаются ключевые отношения, связанные, например, с правом коренных малочисленных народов и лиц, относящихся к ним, на пользование землей (оно признается, но не наполняется юридическим содержанием, более того, изменяется в объеме правомочий, в число которых уже не входят такие, как право безвозмездно владеть землей, получать земельные участки на условиях пожизненного наследуемого владения, а для ведения северного оленеводства — во временное пользование на срок до

25 лет¹⁵), на приоритетное природопользование (наблюдается тенденция сужения данного права¹⁶), на разного рода компенсации (возможность их получения не подкрепляется наличием соответствующих правовых механизмов, во многом находится на усмотрении тех, кто осуществляет компенсацию).

Отдельные нормы — лишь украшение законодательства (в том смысле, что они не действуют, на их основе не возникают реальные правоотношения). Это касается, например, положений об уполномоченных представителях коренных малочисленных народов, этнологической экспертизе, участии представителей данных народов в экологической и этнологической экспертизах, необходимости учета обычаев и традиций при принятии решений, затрагивающих права и законные интересы данных народов. Заблокировано применение Федерального закона от 7 мая 2001 г. «О территориях традиционного природопользования коренных малочисленных народов Севера, Сибири и Дальнего Востока Российской Федерации». За 12 лет

¹⁵ Динамика указанных изменений прослеживается при сопоставлении соответствующих положений Земельного кодекса РСФСР 1991 г. с меняющимися положениями действующего земельного законодательства, Федерального закона от 30 апреля 1999 г. «О гарантиях прав коренных малочисленных народов Российской Федерации» (СЗ РФ. 1999. № 18. Ст. 2208) и Федерального закона от 7 мая 2001 г. «О территориях традиционного природопользования коренных малочисленных народов Севера, Сибири и Дальнего Востока Российской Федерации» (СЗ РФ. 2001. № 20. Ст. 1972).

¹⁶ См., например, поправки в ст. 48 Федерального закона от 24 апреля 1995 г. «О животном мире» (СЗ РФ. 1995. № 17. Ст. 1462), внесенные Федеральным законом от 28 декабря 2010 г. (СЗ РФ. 2011. № 1. Ст. 32), а также Федеральный закон от 20 декабря 2004 г. «О рыболовстве и сохранении водных биологических ресурсов» (СЗ РФ. 2004. № 52. Ст. 5270) и Федеральный закон от 24 июля 2009 г. «Об охоте и сохранении охотничьих ресурсов и о внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации» (СЗ РФ. 2009. № 30. Ст. 3735).

его существования, напомним, все обращения об образовании территорий традиционного природопользования федерального значения не имели успеха, а судебные споры по этому поводу заканчивались в пользу федеральных органов исполнительной власти, отказывавших в принятии положительных решений по разным основаниям, в том числе ввиду отсутствия необходимых подзаконных нормативных правовых актов, издание которых возложено на указанные же органы.

Законодательный процесс отягощается некоторыми сопутствующими факторами. К таковым, например, можно отнести:

— кризис идей в правовом регулировании отношений с участием коренных малочисленных народов Севера. Это, на мой взгляд, отразила Концепция устойчивого развития коренных малочисленных народов Севера, Сибири и Дальнего Востока¹⁷, в которой отсутствуют новые подходы и направления развития законодательства о данных народах, не учитываются положения современных международно-правовых документов;

— имитацию правовых намерений, связанных с регулированием «аборигенных» отношений. О том, что это, к сожалению, становится правилом, свидетельствует неисполнение конкретными федеральными министерствами ряда пунктов Плана мероприятий социально-экономического развития районов Севера¹⁸ (о разработке механизма согласования и принятия решений по вопросам взаимоотношений коренных малочисленных народов Севера с хозяйствующими субъектами (ноябрь 2005 г.), о разработке опытного проекта создания территорий традиционного природопользования коренных малочисленных

¹⁷ Утверждена распоряжением Правительства РФ от 4 февраля 2009 г. № 132-р // СЗ РФ. 2009. № 7. Ст. 876.

¹⁸ Утвержден распоряжением Правительства РФ от 21 февраля 2005 г. № 185-р // СЗ РФ. 2005. № 9. Ст. 736.

народов (2006 — 2008 гг.) и Плана мероприятий по реализации в 2009 — 2011 годах Концепции устойчивого развития коренных малочисленных народов Севера, Сибири и Дальнего Востока¹⁹ (о подготовке правовых актов, обеспечивающих приоритетный доступ коренных малочисленных народов Севера к охотничьим угодьям и охотничьим животным и в целом возобновляемым природным ресурсам, регулирующих организацию землеустройства в местах проживания и хозяйственной деятельности этих народов, создание модельных территорий традиционного природопользования федерального значения);

— стремление в некоторых плановых документах вообще никак не обозначать позиции по разработке и принятию соответствующих законодательных актов. В этом смысле «образцом» можно считать План мероприятий по реализации в 2012 — 2015 годах Концепции устойчивого развития коренных малочисленных народов Севера, Сибири и Дальнего Востока²⁰, в котором конкретная нормативно-правовая деятельность исключена, а намечаемые действия ответственных исполнителей формулируются в терминах «укрепить», «развить», «привлечь», «содействовать», «создать условия».

6. Возможна ли компенсация такого положения вещей на федеральном уровне через развитие регионального законодательства? Учитывая складывающуюся централизацию отношений в Российской Федерации, ожидать подобное в полном объеме было бы наивно. Вместе с тем самостоятельность нормотворческой активности субъектов Российской Федерации в «аборигенной» сфере в установленных пределах возможна и ожидаема. Это обусловлено отнесением Конституцией РФ за-

¹⁹ Утвержден распоряжением Правительства РФ от 28 августа 2009 г. № 1245-р // СЗ РФ. 2009. № 36. Ст. 4364.

²⁰ Утвержден распоряжением Правительства РФ от 12 октября 2012 г. № 1906-р // СЗ РФ. 2012. № 42. Ст. 5773.

щиты исконной среды обитания и традиционного образа жизни малочисленных общностей к предмету совместного ведения Российской Федерации и ее субъектов (п. «м» ч. 1 ст. 72), а также наделением органов государственной власти субъектов Российской Федерации полномочиями:

— осуществлять самостоятельно за счет средств бюджета субъекта Федерации (за исключением субвенций из федерального бюджета) решение вопросов (путем принятия законов, иных нормативных правовых актов, региональных программ) организации и обеспечения защиты исконной среды обитания и традиционного образа жизни коренных малочисленных народов Российской Федерации (подпункт 54 п. 2, п. 3.1 ст. 26.3 Федерального закона от 6 октября 1999 г. «Об общих принципах организации законодательных (представительных) и исполнительных органов государственной власти субъектов Российской Федерации»²¹);

— принимать региональные программы социально-экономического и культурного развития малочисленных народов, а также использования и охраны земель традиционного природопользования малочисленных народов и других природных ресурсов; в пределах своих полномочий ограничивать хозяйственную деятельность организаций всех форм собственности в местах традиционного проживания и хозяйственной деятельности малочисленных народов; наделять органы местного самоуправления отдельными полномочиями по защите исконной среды обитания, традиционного образа жизни, хозяйствования и промыслов малочисленных народов передачей указанным органам необходимых материальных финансовых средств (статья 6 Федерального закона «О гарантиях прав коренных малочисленных народов Российской Федерации»);

²¹ См.: СЗ РФ. 1999. № 42. Ст. 42. Ст. 5005.

— осуществлять защиту интересов малочисленных народов в сфере регулирования отношений недропользования на своих территориях (пункт 10 статьи 4 Закона Российской Федерации от 21 февраля 1992 г. «О недрах»²²).

Анализ регионального законодательства²³ подтверждает тот факт, что данные полномочия в той или иной мере реализуются. В частности, некоторые субъекты Российской Федерации приняли законы:

— определяющие статус территорий традиционного природопользования регионального значения (Республика Саха (Якутия), Амурская область, Ханты-Мансийский и Ямало-Ненецкий автономные округа);

— об оленеводстве (Республика Саха (Якутия), Забайкальский, Камчатский, Красноярский и Хабаровский края, Магаданская и Мурманская области, автономные округа), а также в целом о государственной поддержке традиционной хозяйственной деятельности коренных малочисленных народов Севера (Забайкальский край, Мурманская область, Ненецкий, Ханты-Мансийский и Ямало-Ненецкий автономные округа);

— конкретизирующие отношения коренных народов, их общин с недропользователями в части вопросов, касающихся согласования условий пользования недрами в границах традиционного проживания и хозяйственной деятельности коренных народов Севера, заключения договоров (соглашений) между этими народами и промышленниками, а также выплаты компенсаций за нанесенный ущерб и по другим случаям (Ненецкий и Ханты-Мансийский автономные округа, Сахалинская область);

²² См.: СЗ РФ. 1995. № 10. Ст. 823.

²³ См.: Статус коренных малочисленных народов России. Международные правовые акты и российское законодательство. Книга пятая. В двух томах. Т. 2 / Составитель В. А. Кряжков. М. – Салехард, 2013.

— комплексно регламентирующие отношения о защите исконной среды обитания, традиционного образа жизни, хозяйства и промыслов коренных малочисленных народов Севера (Республика Саха (Якутия), Красноярский край, Сахалинская область, Ямало-Ненецкий автономный округ).

В Республике Саха (Якутия) принят уникальный Закон от 14 апреля 2010 г. «Об этнологической экспертизе в местах традиционного проживания и традиционной хозяйственной деятельности коренных малочисленных народов Севера Республики Саха (Якутия)».

Региональное нормотворчество, таким образом, частично дополняет и развивает федеральное «аборигенное» законодательство, но оно все же остается неравномерным и фрагментарным.

7. Каковы перспективы развития законодательства о коренных малочисленных народах Севера в рассматриваемой сфере? В настоящее время, на мой взгляд, при совершенствовании данного законодательства приоритет должен быть отдан решению ключевых вопросов, связанных с правами указанных народов на пользование землей и иными природными ресурсами. Обеспечение этих прав составляет основу сохранения и развития традиционной культуры названных народов.

Конкретизируя установленное законом право коренных малочисленных народов на пользование землей, было бы целесообразно исходить из того, что оно:

— не может трактоваться исключительно с позиций обычных имущественных отношений, а является в большей мере публичным правом, связано с проживанием малочисленных народов на соответствующих землях с незапамятных времен;

— признается как бессрочное право во всех случаях, когда имеет место постоянное присутствие этих народов на исконных землях и использование ими данных земель для охоты, рыболовства, оленеводства и иной традиционной хозяйственной деятельности на протяжении столетий;

— неотчуждаемо и как таковое не подлежит передаче, продаже, отказу в пользу кого-либо, кроме государства, осуществляется коллективно;

— позволяет представителям малочисленных народов в первоочередном порядке претендовать на выделение земельных участков (территорий) для ведения традиционного образа жизни и традиционной хозяйственной деятельности, более того — безвозмездно пользоваться исконными землями в указанных целях в ситуации, когда их права на эти земли (территории) не получили надлежащего оформления;

— не исключает ограничения указанного права, но только на законных основаниях и в общественных интересах, при обязательном участии малочисленных народов в выработке соответствующих решений и компенсации всех потерь, нанесенных им в результате использования исконных земель (территорий) для нетрадиционной хозяйственной деятельности;

— предполагает резервирование территорий (в форме территорий традиционного природопользования как вида особо охраняемых природных территорий, территорий традиционного проживания и традиционной хозяйственной деятельности и др.) с особым правовым режимом (обеспечивающим целевое использование территорий, защиту прав коренных народов, в том числе во взаимоотношениях с субъектами нетрадиционной хозяйственной деятельности) для осуществления оленеводства и других видов традиционной хозяйственной деятельности коренных малочисленных народов Севера.

Второй блок вопросов касается совершенствования «аборигенного» законодательства в сфере самоуправления (соуправления) коренных малочисленных народов Севера, обеспечивающего включение данных народов и их представителей в процесс принятия решений, затрагивающих их права и интересы. С этой целью необходимо:

— вернуть право субъектам Российской Федерации устанавливать квоты представительства коренных малочисленных народов в региональных законодательных органах и представительных органах местного самоуправления, восстановить право общественных объединений данных народов выдвигать кандидатов в депутаты;

— признать допустимым организацию местного самоуправления, обусловленную особенностями компактного проживания (образа жизни) народов Севера, с включением в эту систему общин данных народов;

— урегулировать отношения, связанные с институтом уполномоченного представительства коренных малочисленных народов, т.е. с определением статуса организаций и лиц, имеющих право выступать от имени соответствующих этнических сообществ во взаимодействии с органами публичной власти, промышленниками и международными структурами;

— наделить общественные объединения коренных народов правом законодательной (правотворческой) инициативы, а также выработать формы и процедуры их постоянного участия в принятии законодательных и иных решений, затрагивающих права и интересы данных народов;

— определить юридическое значение и процедуры заключения договоров (соглашений) между коренными малочисленными народами (их объединениями) и промышленниками, а также с органами публичной власти.

Рассматриваемое правовое регулирование должно быть не спорадическим (таковым оно является в данный момент), а плановым, базироваться на комплексном плане законодательных работ по подготовке и принятию нормативных правовых актов на ближайшую, среднесрочную и долгосрочную перспективы. Содержательным ориентиром в данном отношении должны быть положения Конституции РФ (часть 4 статьи 15, часть 1 статьи 17, часть 1 статьи 55, статья 69, пункт «м» ча-

сти 1 статьи 72) и Федерального закона «О гарантии прав коренных малочисленных народов Российской Федерации», а также международных документов — Международного пакта о гражданских и политических правах (статья 27), Декларации о правах коренных народов, Конвенции МОТ 169 о коренных народах и народах, ведущих племенной образ жизни в независимых странах, и др. При этом необходимо через региональное регулирование обеспечивать привязку федерального стандарта прав к конкретным правоотношениям с учетом специфики положения соответствующих этнических сообществ.

Авторский коллектив

Абрамов Владислав Геннадьевич, кандидат юридических наук, доцент кафедры уголовно-правовых дисциплин Северного (г. Петрозаводск) филиала Российской правовой академии Министерства юстиции РФ (Петрозаводск).

Блаткова Вера Валентиновна, кандидат юридических наук, доцент кафедры международного и конституционного права, замдекана по научной работе юридического факультета Петрозаводского государственного университета (Петрозаводск).

Быковский Вадим Кириллович, кандидат юридических наук, ст. преподаватель кафедры экологического и природоресурсного права Московского государственного юридического университета имени О. Е. Кутафина (МГЮА) (Москва).

Кипрухин Иван Владимирович, начальник отдела государственной экологической экспертизы и особо охраняемых природных территорий Министерства по природопользованию и экологии Республики Карелия (Петрозаводск).

Козырева Татьяна Валерьевна, аспирант кафедры международного и конституционного права юридического факультета Петрозаводского государственного университета (Петрозаводск).

Койвистойнен Людмила Александровна, соискатель кафедры международного и конституционного права Петрозаводского государственного университета (Петрозаводск).

Константинова Татьяна Леонидовна, координатор Эколого-правового центра юридического факультета Петрозаводского государственного университета (Петрозаводск).

Косенкова Светлана Викторовна, соискатель кафедры международного и конституционного права юридического факультета Петрозаводского госуниверситета, гл. специалист по правовым вопросам КРО ВПП «Единая Россия» (Петрозаводск).

Кирсанов Алексей Николаевич, кандидат юридических наук, доцент, заведующий кафедрой земельного и экологического права Российского университета дружбы народов (Москва).

Кряжков Владимир Алексеевич, доктор юридических наук, профессор кафедры конституционного и муниципального права НИУ ВШЭ, заслуженный юрист РФ (Москва).

Лена Лехтинен, доктор экономических наук, кандидат юридических наук, доцент (университеты г. Турку и г. Тампере, Финляндия), консультант (Юридическая фирма «ЛексЛеена-Лехтинен»), арбитр МКАС при ТПП РФ (Финляндия).

Оленина Татьяна Юрьевна, кандидат юридических наук, доцент кафедры международного и конституционного права, руководитель Эколого-правового центра юридического факультета Петрозаводского государственного университета (Петрозаводск).

Нутрихин Роман Владимирович, кандидат юридических наук, доцент кафедры экологического, земельного и трудового права Юридического института Северо-Кавказского федерального университета (Ставрополь).

Свидская Анита Сергеевна, председатель судебного состава Арбитражного суда Республики Карелия (Петрозаводск).

Софронова Анастасия Алексеевна, аспирант эколого-биологического факультета Петрозаводского государственного университета (Петрозаводск).

Третьякова Елена-Диана Сергеевна, кандидат юридических наук, доцент кафедры теории государства и права Новосибирского государственного технического университета (Новосибирск).

Чернов Сергей Николаевич, доктор юридических наук, профессор, заведующий кафедрой международного и конституционного права, декан юридического факультета Петрозаводского государственного университета (Петрозаводск).